

Старый голос

Оскорбить не стесняйся, душа,
Стариками заполненный храм—
Их поклоны, молитвы. Что нам
Их молитвы, их праведный хлам?

Ты права.

Оскорбить не стесняйся, душа.
После шумного праздника тьмы
Доберёмся до храма и мы,
И над нами старушки псалмы—

Нараспев...

И захочется: «Только читай!
Не молчи обо мне, не молчи!»
Потому что последней ночи
Старый голос— как пламя свечи...

Не шуми.

Пещерное сердце

Всё в городе занято нами,
И негде главу приклонить.
И даже в пещеру с камнями
Не в силах Тебя пригласить.

Вот разве что в сердце? Но сердце
Давно очертания храма
Утратило, ради Младенца
Сюда не приходят с дарами.

Нет света, тепла и уюта.
Но Ты принимаешь и это—
Как раньше, и ровно минута
До первой страницы Завета.

Повсюду пустые реки
Без глубины и края.
Идут по ним человеки,
Имя моё называя.

Страшно идут они,
Скорби у них за плечами...
Так ходят, короче, слова мои,
Сказанные случайно.

Странники

Всегда вспоминаю опушку дубовой рощи—
Место, в котором никогда не был.
Время раннее, светлое, даже ночью,
Как и бывает на самом пороге неба.

Все дороги издали сходятся на опушке.
Пути у всех дальние, времени тоже много—
Можно и странника в этой тени послушать,
Облокотясь о воздух, замерший от восторга.

Есть города, которые мы проходим
Насквозь и, как правило, рано утром—
Чужие, счастливые, странные пешеходы.
Только насквозь. Только голуби смотрят мудро.

Вот поворот и опушка заветной рощи...
Ноги устали, и нету в кармане хлеба.
Без Тебя, Раввуни, в мире как будто проще.
Только с Тобой я везде на пороге неба.

На склонах Приуралья

«Когда война— сегодня, послезавтра?»
«Кто правду скрыл, кто правду говорил?»
Я никому и сам себе не верил
И день сегодняшний вчера ещё забыл

В большой траве на склонах Приуралья.

Ничейный дом, ничейная дорога,
Ковыль не понимает по-людски.
Наганы ржавые, монеты и подковы
Давно остыли и унялись, как и всё

В большой траве на склонах Приуралья.

Неси, носи сюда свои печали,
Мы вслух об этом тут поговорим,
И нефть закончится, и деньги загорятся
У всех у нас— вообще у нас у всех

В большой траве на склонах Приуралья.

Избу, как водится, поставишь без дверей,
И поживёшь, и весело уступишь
В свой час седьмой воде на киселе,
И отойдёшь во область поговорок

В большой траве на склонах Приуралья...

Под асфальтом (Солдаты Первой мировой)

Под ногами асфальт, и его положили неважно;
Под асфальтом вгрызается в землю отважно
Червь, которого даже часы сочтены;
Под землёй—ничего и солдаты напрасной войны.

Это слово «напрасно»—как взять и с героя сорвать
Боевые награды его, и при нём же топтать, и сказать:
«Ничего не осталось—атаки в штыки ваши были пусты...»
Ничего не осталось от вас—в изобилии только кресты
Под асфальтом
Нательные.

Шалаш на Фаворе

Хорошо нам здесь, Господи!
А давай мы поставим палатки—
Тебе одну, Моисею одну, Илию одну!
Хорошо нам здесь,
и в город уже не хочется.
Хорошо нам, Господи,—
хорошо с Тобой.
Хорошо нам—ловить и готовить рыбу
у ног Твоих, Господи; хорошо—вести
к Тайному вечеру
незнакомому человека,
хорошо нам—звать его
братом или сестрой.
Здесь хорошо нам с Тобой—отныне,
даже и в тяжком краю, в пустыне,
ибо знаем—напьёмся Тебя
из простых ладоней
своими слезами
Твоей Любви.

Его звали Филипп

Дочери—о предке-солдате

Ты спала, и тебя защищали
Люди с чёрной землёй на зубах—
Оттого, что их в землю кидали
Вперемешку с горелой бронёй.
Это всё называли войной.
Без особого блеска в глазах
От земли эти люди вставали,
И у каждого ты на руках—
Ты спала, и тебя защищали.

Это всё просто клёны шумят
Голосами как будто солдат,
Укрывая коляску твою
От холодного ливня. В бою
За твой сон тоже кто-то погиб—
Его звали Филипп...

Военный памятник

Есть в одном городе
старый железный памятник
одному какому-то солдату.
На окраине его поставили
в честь окончания последней
войны, которая велась когда-то
где-то на окраине мира
из-за каравана марихуаны
и ящиков с непонятно чем...
и вообще... были причины—
правда—были причины...

Никто к памятнику не ходит—
одни только ветераны
той непонятной войны приносят
сюда на забытые праздники
свою оцепеневшую память,
и, наверное, долго
поодиночке сидят у огромных
железных сапог солдата,
глядя на город, который
уже ничего не помнит.

Но страшный памятник и сам
во все глаза смотрит на город,
и в глазах его эта... как её?...
Ну, когда ты собрался с мыслями,
вот-вот готов сказать—и не можешь,
хочешь сказать—
и не можешь.
В руках у памятника
автомат без патронов,
на голых плечах памятника
расстёгнутая военная куртка.
Солдатик как бы отвоевал
и вот идёт в нашу сторону,
и когда он дойдёт,
то мы всё узнаем,
и много чего изменится.
Но перед ним
скульптор поставил
большое (в рост человека)
железное кольцо—
то ли нимб,
то ли прицел снайпера—
не поймёшь, да и всё равно—
он заключён в него навсегда,
насмерть приварен
к почётному постаменту
и уже не сможет
предупредить.

Улица имени

Эта улица имени, кажется, вроде, героя Гражданской
Или, может, писателя, что ли, какого... А ну его! Просто иду.
Просто воздух весёлый за сердце хватает, и сердце вытаскивает,
И себе забирает, и всё. Только я же имею в виду:

Мне не хочется быть с этим воздухом, быть ему другом и братом,
И, шая, как пакеты пустые, народные мысли носить—
Их ужасные мысли носить, и с улыбкою дегенерата
Это всё вперемешку с листвой под ногами задорно кружить.

Только кто виноват, что по жизни они—обитатели комнат
С мертвецами детей по углам? Потому-то и громко шумят,
И на улицу имени этого (как его?) жадно выходят,
И гуляют, как раньше, и вновь «избавляться хотят».

Жись

О заре догорающей пели торговки ромашками—
Ну, обычные женщины, кажется, лет сорока.
И грозила им яростно тень лейтенантика старшего,
И глазели мальчишки, и падали вниз облака...

Ох уж эта мне «жись»—недотёпа, растрёпа, не вовремя—
Снова песне подобна какой-то нестройной. Заря,
Между прочим, ещё в позапрошлом году оцифрована.
И ромашки твои по червонцу—наивно и зря.

Но о солнце допели. На берег выходит Катюша
И, часовне подобна, стоит над великой рекой.
И летят облака на слова—да имеющий уши
Направляется к дому—живой, долгожданный, родной.

Царство

Мёрзнут руки в китайских перчатках,
В темя целится лазер с орбиты.
Мы давно уже в планах убиты—
Мы случайные жертвы на картах.

Говорят, появилось лекарство:
Когда слёзы кончаются—лечит...
Обнимают вульгарно за плечи
Агитаторы сонного царства...

В карнавальном костюме снаряда
Человеку тепло и не страшно.
Он шагает себе через башни,
И удача гуляет с ним рядом.

Суetyтся высокие краны,
Поднимаются новые стены.
Это, в общем-то, все перемены—
Динозаврик бежит по экрану...

О Христос мой на белом ослёнке,
До чего же Ты весь не отсюда!
Научи меня—можно, я буду
У Тебя на коленях ребёнком?